

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-33-45
УДК 821.161.1

Научная статья

Самоидентификация в современной иронической поэзии

В.И. Карасик

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

В статье рассматриваются современные иронические поэтические миниатюры, представляющие собой сложные тексты, в которых можно выделить несколько уровней самопрезентации субъекта. Проанализированы тексты стихотворной афористики и иронической интернет-поэзии. Ключевым приемом построения таких текстов является парадоксальное соположение противоположных положений дел. Эти тексты насыщены аллюзиями. Установлено, что в иронических миниатюрах самоидентификация субъекта носит оценочный характер и связана с констатацией ограниченности человеческих возможностей, критикой абсурдности бытия и несовершенством мироздания.

Ключевые слова: ироническая поэзия, лирическая миниатюра, самопрезентация субъекта, креатив, интернет-поэзия

Введение

Отличительной характеристикой российской современности является поэтический ренессанс. Отсутствие институциональной цензуры привело к тому, что каждый автор может опубликовать в интернете свои стихотворные и прозаические произведения. Пользователи Рунета комментируют эту продукцию, которая находит свою аудиторию и своих критиков. Можно констатировать, что возник новый жанр сетевого дискурса – креатив [3], в рамках которого получило развитие стремление большого числа наших современников выразить свое отношение к миру и себе в художественной форме. Возникновение и развитие креативных текстов в интернете соответствует возрастанию игрового начала в современной коммуникации [2; 6; 7; 9; 11].

Качество этих произведений бывает разным. Как и в прежние времена, преобладают любительские тексты, сопоставимые с записями в альбомах, каракулями на партах, рифмованными опусами в заводских многотиражках и экспромтами на банкетах. Они не претендуют на статус настоящей поэзии, их назначение – вызвать улыбку незнакомого читателя. Заметим, что подобно тому, как ушли в небытие официальные гражданские песни и патетические панегирики, исчезли стихотворения, которые писались опытной рукой

© Карасик В.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

по заказу и по плану. При этом на общем фоне посредственных и неумелых, хотя и искренних, поделок появляются весьма интересные тексты, заслуживающие внимания филологов. Таковы в частности иронические миниатюры, авторы которых вносят определенный вклад в построение современной российской поэтической картины мира.

В основу данной работы положено предположение о том, что поэтическая самоидентификация в иронической поэзии представляет собой явление массовой культуры, которое тяготеет к парадоксам и распадается на определенные типы.

В качестве материала для анализа были взяты современные иронические миниатюры, размещенные в интернете. Эти короткие стихотворения распадаются на определенные виды: по количеству строк – на одностишия, двустишия и четверостишия; по канону оформления – на пирожки (написанные обычно четырехстопным ямбом без знаков препинания и рифмы), порошки, отличающиеся от пирожков усеченной четвертой строкой и наличием рифмы, полупирожки (двустышия), депрессяшки – написанные трехстопным хореем ироничные жизненные наблюдения; по авторству – на стихотворения, стиль автора которых является узнаваемым либо неузнаваемым, подписанные настоящим именем автора либо сетевым псевдонимом – ником; по ориентации на сложившиеся жанры – имитации частушек, лимериков, хокку, античных эпиграмм и др.

Ироническая стихотворная афористика

Ироническая поэзия базируется на солидной традиции в мировой и отечественной литературе. Это авторские шуточные стихотворения, эпиграммы и пародии, с одной стороны, и фольклорные произведения определенных жанров, в частности русские частушки, с другой. В ряде случаев трудно провести четкую грань между юмористическими и ироническими текстами. Назначение таких произведений – выразить мягкую критическую оценку человеческим порокам, нелепым обстоятельствам и несообразности бытия.

Самоидентификация в широком смысле понимается как признание тождественности субъекта самому себе (я есть я) и неизменность субъекта (я тот же, что и был) [1; 4; 5; 8; 12]. Художественная самоидентификация уточняет такую трактовку: в герменевтике традиционно противопоставляются автор, повествователь и персонаж. Заслуживает внимания концепция Р. Бартла, исследователя виртуальной игровой реальности, который противопоставляет такие ипостаси субъекта: игрок, аватар, персонаж и персоне [10]. Игрок понимается как реальный субъект, аватар – как знак, замещающий субъекта, персонаж – как знак, наделенный некоторыми качествами субъекта, персоне – как субъект, перевоплощенный в мире игры. Можно дополнить эти трактовки противопоставлениями субъекта из мира театра: режиссер, актер, марионетка. Принцип диалогичности, по М.М. Бахтину, требует осмыслить художественного субъекта как неразрывную взаимосвязь себя и Другого. В таком случае самоидентификация разворачивается в тексте как осмысление субъектом отношения участников ситуации к нему (известный тезис о том, что роль короля определяется поведением свиты). Применительно к ирониче-

скому тексту самоидентификация может быть определена как сочетание модусных индикаторов: я-персонаж, поведение которого представляется нелепым, претенциозным, заслуживающим сочувствия и др.; я-повествователь, предлагающий адресату ситуацию, которая достойна мягкой критики; я-автор, оперирующий мотивами, сюжетом и фабулой.

Весьма популярны гарики Игоря Губермана, иронические четверостишия, в которых обычно выражена позиция философа-наблюдателя:

Из лет, надеждами богатых,
навстречу ветру и волне
мы выплываем на фрегатах,
а доплываем – на бревне.

Повествователь показывает ситуацию с узнаваемыми атрибутами: большой корабль в начале пути и оставшееся от него бревно после крушения – в итоге. Стоящий за повествователем автор имитирует высокий стиль элегии, используя стандартные метафоры и контрасты. Читатель понимает, что доплывшему до берега герою гордиться, по-видимому, нечем.

Как молод я был! Как летал я во сне!
В года эти нету возврата.
Какие способности спали во мне!
Проснулись и смылись куда-то.

Элегический стиль первых трех строк контрастирует с резким понижением тональности в заключительной строке. Используя известный прием снижения батос, автор констатирует банальную мысль о невозвратности прошедших лет, иронически изображая приемы построения элегий.

Красив, умен, слегка сутул,
набит мировоззрением,
вчера в себя я заглянул
и вышел с омерзением.

В приведенной миниатюре герой показывает двуплановость своего имиджа – для других и для себя. Повествователь использует образ человека, который смотрит в зеркало, сразу же замечая отчетливую систему взглядов в персонаже (набит мировоззрением). Авторское построение этого текста перекликается с психоаналитической ломкой имиджа.

Изведав быстрых дней течение,
я не скрываю опыт мой:
ученье – свет, а неучение –
уменье пользоваться тьмой.

Текст представляет собой развернутую пародию на известную сентенцию «Ученье свет, а неученье тьма». Повествователь показывает, что демонстрация своих знаний может быть неуместной, что эффективным оказывается умение манипулировать теми, кто не обладает знаниями, и что к этим выводам привел его жизненный опыт, обнаруживший уязвимость непреложных истин. Автор формулирует парадоксальный афоризм, который вступает в противоречие с общим мнением.

Интересны иронические наблюдения Владимира Вишневого:

Палач не знает роздыха!..
Но все же, черт возьми,
Работа-то на воздухе,
Работа-то с людьми.

Герой оценивает работу палача как практику утомительной, но приятной и полезной деятельности. В коллективном сознании деятельность палача воспринимается без симпатий. Попытка вызвать к нему сочувствие содержит ироническую интенцию. Эта интенция усиливается последующим объяснением. Повествователь использует штампы «работа на воздухе, работа с людьми». Сравним этот текст с мягким юмором в лирической эпиграмме С.Я. Маршака:

У одного советского министра
Спросила мать, живущая в деревне:
– Ты кем сейчас работаешь, сынок?
Он ей назвал свой пост и учреждение,
Но мать, не успокоившись, спросила:
– А это в помещении, сынок?
– Да, у себя, в служебном кабинете.
– Ах, в помещенье? Ну и хорошо.

Понятно, что для людей, занятых тяжелым трудом в поле, работа в помещении представляется желанным видом деятельности. Автору нужно было привести этот нарратив как идеологический аргумент в пользу общества, в котором выходцы из любой глубинки могли достигнуть высших государственных постов.

Заслуживают внимания ироничные примеры самоидентификации в одностишиях В. Вишневого:

Я ухожу, как минимум, в легенду.
Уговорили, так и быть – стреляйте...
Мы в детстве все недоиграли в прятки...

Повествователь рисует образ героя единственным штрихом, показывая претенциозность, либо абсурдную нелепость поведения, либо смешную несостоятельность своего персонажа.

В ином ключе показаны характеристики героя, повествователя и автора в иронических миниатюрах Леонида Либкинда:

Она была, как все – неповторима.
«Скорей бы в шкаф уже!» – мечтал любовник.
Я честно вам сказал не то, что думал.

Герой характеризует себя как неразборчивого, вызывающего жалость и парадоксально прямолинейного человека, повествователь приводит обстоятельства, в которых оказался персонаж, автор улыбается, показывая нам распространенные качества людей.

Мастером этого жанра является и Наталья Резник:

Хотелось бы чуть-чуть всемирной славы...
Не надо инсценировать раздумья.
Всей правде обо мне прошу не верить.

Повествователь сталкивает противоположные понятия, в результате чего возникает веселый оксюморонный эффект. Найдены точные характеристики поведения некоторых людей (чуть-чуть всемирной славы, инсценировать раздумья, не верить всей правде), одностишия становятся зеркалом, в котором мы видим себя в разных жизненных ситуациях: нам всем свойственна некоторая степень тщеславия, желания продемонстрировать свой интеллект и стремления выглядеть лучше, чем мы есть.

Иронические миниатюры в интернет-поэзии

Обратимся к творчеству авторов, разместивших свои произведения в интернете в жанре «депрессяшки».

я себя сегодня
хорошо веду
но наверно поздно
раз уже в аду
© Sansonnet

Персонаж дает себе двойную оценку – положительную и отрицательную, повествователь иронизирует по поводу того, что время упущено, тема относится к распространенному сожалению о сделанных в жизни ошибках. Автор имитирует детские стихотворения (такова парадигма трехстопного хорей) и доводит содержание до абсурда: бессмысленно вести себя хорошо в аду.

в чем то вы неправы
в чем то я неправ
говорил спокойно
кроликам удав
© Михаил Гаевский

Приведенный нарратив иронически пародирует жанр дискуссии. Признание взаимной неправоты как ход аргументации обычно является приемом, направленным на достижение взаимопонимания. Но персонажами этой ситуации выступают удав и кролики, и мы понимаем, что их беседа завершится плачевно для одной из сторон в диалоге. Автор высмеивает такую аргументацию как лицемерный и в то же время игровой способ сохранения лица. Заслуживает внимания ключевое слово «спокойно».

это кто царевне
написал на лбу
не будите лихо
спящее в гробу
© vsprugis

Характерной особенностью современной иронической поэзии является ее высокая аллюзивность. Спящая в гробу, обычно хрустальном, царевна – персонаж сказок. Главный герой должен разбудить ее своим поцелуем. Но вместо этого он оставляет кощунственную надпись, которая соотносится с речением «Не будите лихо, пока спит тихо». Повествователь показывает, что, проснувшись, царевна принесет много бед герою. Автор же разыгрывает своеобразный спектакль перед читателями, его вопрос является риторическим. Мы понимаем, что таковы современные принцы.

два лингвиста споря
творог иль творог
мордами друг друга
били об порог
© борго

В иронических миниатюрах иногда мы видим аллюзии к профессиональной деятельности представителей разных областей знания. Контраст между тематикой спора (ударением в слове) и поведением спорщиков вызывает улыбку. Повествователь говорит нам о том, что порой мы переходим допустимую грань в спорах о вещах, не заслуживающих столь бурных эмоций. Автор использует снижение как прием достижения юмористического эффекта.

В ряде случаев в депрессиях осмысливаются распространенные стереотипы:

я не улыбаюсь
потому что мне
стыдно быть счастливым
одному в стране
© bublík

Принято считать, что граждане России неулыбчивы. Это справедливо в том плане, что улыбка в нашей стране – это знак не дежурной вежливости, а искреннего расположения к знакомому человеку. Иностранцы могут посчитать отсутствие улыбки признаком агрессивности или депрессии. Такой ошибочный стереотип показан в приведенном четверостишии. Персонаж ведет себя в соответствии с представлениями иностранцев, повествователь показывает нелепость такого понимания положения дел, а автор сталкивает два способа поведения – ощущение счастья и стыда.

Для ироничных миниатюр характерна стилизация. Например:

под водой ракушки
камушки на дне
да еще ванюшка
что перечил мне
© Елена Кузьмина

Лирический настрой в начале четверостишия резко диссонирует с продолжением текста. Мы понимаем, что весьма вероятно расправа героини с неугодным ей возлюбленным. Первые две строки похожи на распространенные приемы построения частушек: упоминание характерных признаков реальности, при этом начало частушки принципиально не связано с ее завершением. Сравним:

Из колодца вода льется,
Пузырится, пенится.
Пусть подруга от тебя
Никуда не денется.

Этот прием часто используется в иронической поэзии:

У дороги две ветлы,
Вдоль дороги просо.
Девки спрыгнули с иглы,
Сели на колеса.
© Игорь Иртенев

Фольклорное начало иронически диссонирует с информацией о наркоманах (колеса – жаргонное наименование таблеток). В цитируемой миниатюре о лежащем на дне Ванюшке обратим внимание на уменьшительную форму имени, глагол «перечить» и союз «что», характерный для фольклорных текстов.

Встречаются аллюзии к Библии:

делай то что должен
тяжко не вздыхай
вон шагают свиньи
бисер доставай
© ЗАК

В этом четверостишии обыгрывается известный фразеологизм из Библии «метать бисер перед свиньями» – тщетно пытаться объяснить что-либо тем, кто не в состоянии нас понять. При этом в начале текста формулируются призывы вести себя должным образом. Но последующее развитие фабулы превращает призыв в иронический комментарий. Персонаж якобы пытается поучать кого-то, затем резко меняет тональность и смысл и высмеивает тщету поучения. Повествователь показывает комизм подобных трансформаций. Обратим внимание на сочетание «шагают свиньи», глагол «шагать» используется применительно к людям. Автор обращает наше внимание на жанр призыва как таковой.

В жанре «порошки» мы сталкиваемся с парадоксальным развитием событий:

я подарю тебе кавычки
поставь их там а хочешь тут
о боже как тебе кавычки
идут
© Кисычев

Знак препинания не может быть подарком. Но герой вживается в разыгрываемую мизансцену, и на наших глазах подарок превращается в нечто вещественное, подобное украшению. Повествователь иронизирует по поводу мироустройства как такового. Автор показывает превращение воображаемого мира в реальность, но сохраняет улыбку наблюдателя, понимающего различие между игрой и реальностью.

Самоидентификация в иронических миниатюрах отражает практику общения в интернете, каждый может выбрать себе логин в качестве имени:

я сократил себя до буквы
оставил только мягкий знак
чтоб ты меня не называла
никак
© estъ

Герой хочет стать незаметным, но повествователь показывает, что такая хитрость невозможна, поскольку для логина годится любой символ.

Некоторые «порошки» носят философский характер:

я не хочу все время падать
как в повторяющемся сне
но что еще мне остается
я снег
© колик

Герой пребывает в двух ипостасях одновременно – это человек, которого преследует постоянное падение во сне, и снег, падающий на землю. Такое расслоение сознания свидетельствует не о его патологическом расщеплении, но о глубоком осмыслении множественности бытия. Можно увидеть в этой миниатюре переключку с известным шедевром древнекитайской литературы о мудреце Чжуанцзы, который не мог понять, то ли ему приснилось, что он стал бабочкой, то ли бабочке снилось, что она стала человеком. Повествователь показывает совмещение планов бытия, автор с улыбкой констатирует парадоксальность мироустройства и иронизирует по поводу стремления прямолинейно мыслящих людей сводить все непонятное к патологии.

В сознании наших современников стирается грань между фантастикой и реальностью:

поднялся сплюнул отряхнулся
и крикнул вязкой темноте
не те пошли армагеддоны
не те
© НиРо

Герой участвует в финальной битве добра со злом, предшествующей концу света согласно Откровению Иоанна. В этой миниатюре мы наблюдаем сплав нескольких планов повествования. Персонаж получает сильный удар, сбивающий его с ног, демонстрирует презрение к противнику (плевок – знак презрения), отряхивается, такова ситуация уличной драки между мальчишками. Вторая строка содержит прямую аллюзию к библейским текстам (*осязаемая тьма* – одна из казней египетских – Исход, 10:21; *Итак, если свет, находящийся в тебе, тьма, то какова же тьма?* – Матф., 6:23). Словосочетание «вязкая темнота» точно передает характеристику той субстанции, с которой борется герой. Его насмешливый выкрик очень интересен. Фраза «*Не те пошли армагеддоны*» соотносима с презрительной обиходной оценкой любых объектов, которые не выдерживают сравнения с тем, что было раньше. Множественное число для обозначения апокалиптической битвы превращает ситуацию в абсурд. Повествователь рисует образ несгибаемого борца, который противостоит вселенским силам зла. Автор же иронически характеризует эти силы зла, которые сравниваются со шпаной из подворотни.

седых детей несло по кругу
на спинах взмыленных кобыл
про них нетрезвый карусельщик
забыл
(анон.)

Автор с грустной иронией создает образ наблюдателя, констатирующего неумолимый бег времени. Повествователь показывает нам детскую карусель, которая на большой скорости безостановочно вертится. Найден запоминающийся образ. Седые дети – это мы, а нетрезвый карусельщик – воплощение судьбы.

Ироническое повествование о себе может носить публицистический характер:

бывало пашешь в переходе
весь день с протянутой рукой
а в это время хулиганы
гвоздем царапают твой джип
© Kurt

Герой попрошайничает, собирая милостыню в подземном городском переходе, это приносит ему большие деньги – у него дорогой автомобиль, и нищий при этом жалуется на хулиганов. Повествователь сталкивает две позиции – нищенство, которое должно вызывать жалость и сочувствие, и богатство, полученное нечестным способом. Автор иронически изображает реалии нашего времени и демонстрирует себя как обличителя несправедливого жизненного устройства.

Вызывают улыбку описание типов людей:

в моей тюрьме сломали стены
охрана мертвая лежит
и кто теперь меня накормит
и кто позволит погулять
© dingo

В качестве героя показан узник, которому хорошо в тюрьме. Повествователь показывает нам психотип раба. Автор напоминает читателям, что свобода не является бесспорной ценностью для определенных людей, и навязывать ее им бессмысленно.

Повествование о себе превращается в символ предельно широкого порядка. Такова следующая миниатюра в жанре «пирожок»:

я кубик рубика покрасил
со всех сторон в зеленый цвет
и как то сразу все сложилось
и успокоилось во мне
© Дарья

Механическая головоломка, изобретенная венгерским инженером Эрне Рубиком, представляет собой, как известно, куб с разноцветными кубиками, которые нужно путем множества поворотов привести в такое состояние, когда их цвета совпадают на стороне большого куба. Это сделать нелегко, и поэтому герой находит радикальное решение проблемы и это его успокаивает, но убивает суть головоломки. Повествователь осуждает людей, которые, пытаются все упростить. Автор иронически демонстрирует нам этот сюжет как символ нашего поведения в разных жизненных ситуациях.

Парадоксальность является ведущим смысловым приемом построения иронических миниатюр:

здесь территория свободы
и если вздумаешь сбежать
мы все равно тебя поймаем
и заново освободим
© jordana

Герой обращается к пленнику с абсурдной угрозой, предупреждая его о невозможности побега. При этом смысл поимки беглеца состоит в том, чтобы выпустить его на волю. Повествователь показывает нам этот перевернутый мир, в котором у человека нет свободы вообще. Перед нами игра кошки

с мышкой, и всем известно, чем такая игра оканчивается. Иронически выдвинуто в сильную позицию патетическое утверждение «Здесь территория свободы». Этот текст напоминает читателю известные лозунги из антиутопии Джорджа Оруэлла «1984»: «Свобода – это рабство», «Война – это мир», «Незнание – это сила». Автор иронизирует по поводу подобных утверждений о свободе и других ключевых ценностях современной цивилизации.

Заслуживают внимания иронические миниатюры, имитирующие определенные речевые жанры. Таков текст, который иллюстрирует высказывания, именуемые веллеризмами, по имени героя Ч. Диккенса Сэма Веллера (например, «*Понятно*», *сказал слепой мужчина своей глухой собаке*):

желудок крокодила может
переварить буквально все
сказал смотритель зоопарка
в вольер кидая кирпичи
© Алексей Бойко

Суть веллеризма состоит в контаминации высказывания, которое само по себе не вызывает возражений, с описанием действия, превращающим это высказывание в абсурд. Повествователь конструирует такое развитие событий, автор приводит нас к выводу о нарастающей степени абсурдности бытия. Обратим внимание на то, что подобный прием является ключевым при построении популярных в наше время иконических текстов – демотиваторов, пародирующих призывы к правильному поведению (например, картинка с изображением жареных улиток на сковородке и подписью: «*Не спеши, улитка, ползущая на вершину Фудзи*» – имитируется жанр мудрых японских жизненных поучений).

Некоторые миниатюры представляют собой комментарий к пословице:

илья готовил сани летом
телегу ладил он зимой
так и возился постоянно
кататься он не успевал
©evz29

Обыгрывается известная пословица «Готовь сани летом, а телегу зимой». В качестве персонажа выступает человек, живущий по правилам, повествователь показывает нам ошибочность такого отношения к жизни, призывая тем самым ценить данный момент, автор же иронически улыбается над поучениями как таковыми.

Ироническое переосмысление сюжета может осуществляться с помощью монтажного приема из кинематографии:

я перематываю пленку
вот ты уходишь от меня
вот ты со мной вот наша встреча
вот ты от бабушки ушел
© Tania

Перед нами сказка о Колобке. Героем этого нарратива выступает, по видимому, лиса, которой не удалось полакомиться Колобком. Понятно, что речь идет о неудавшемся романе. Повествователь показывает развитие событий в их обратном варианте. Обратим внимание на распространенное в ин-

тернете неправильное написание слова «ушел», отсылающее нас к «олбанскому языку», намеренному искажению орфографии для юмористического эффекта. Автор иронически комментирует этот сюжет, напоминая нам о том, что порой в основе романтических отношений лежит желание получить кого-либо в собственность.

Преобразование прецедентного текста прослеживается в новом жанре «полупирожки»:

так повелось рожденный ползать
всем объясняет как летать
© Bazzlan

В приведенном тексте иронически комментируется хрестоматийная строка из «Песни о соколе» М. Горького: «Рожденный ползать – летать не может». Повествователь показывает, что жизнь устроена нелогично и несправедливо, автор призывает нас иронически воспринимать такое положение дел: «*Так повелось*». Ответ на вопрос, кто виноват в этом положении дел, мы должны дать себе сами.

Заключение

Ироническая поэтическая миниатюра представляет собой сложный текст, в котором можно выделить несколько уровней самопрезентации субъекта. В тройственной схеме «персонаж – повествователь – автор» противопоставляются типизируемая ситуация, набор приемов выдвижения той или иной идеи и идея произведения. Обобщение человеческих характеров приводит к нейтрализации различия между местоимениями «я» и «мы» в лирической миниатюре. Ключевым приемом построения таких текстов является парадоксальное соположение противоположных положений дел. Эти тексты насыщены аллюзиями и пародиями. Как правило, в иронических миниатюрах самоидентификация автора и героя связана с констатацией ограниченности человеческих возможностей, критикой абсурдности бытия и несовершенством мироздания.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-012-00609А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

Список литературы

- [1] *Абушенко В.Л.* Идентичность // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 2-е изд., перераб. и доп. Мн.: Книжный дом, 2001. С. 400–404.
- [2] *Иссерс О.С.* Лингвокогнитивные игры в пространстве интернета: от смешного до серьезного // Лингвистика креатива – 2: коллективная монография / под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 101–120.
- [3] *Карасик В.И.* Креативы в сетевом дискурсе // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 29–44.
- [4] *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53.
- [5] *Николаев В.Г.* Идентичность // Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 238–239.

- [6] *Петренко С.Н.* Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 26 с.
- [7] *Ремчукова Е.Н.* Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 83–89.
- [8] *Рикер П.* Повествовательная идентичность // Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью / Ин-т философии РАН. М.: Academia, 1995. С. 19–37.
- [9] *Рогачева Н.Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 23 с.
- [10] *Bartle R. A.* Designing virtual worlds. Berkeley: New Riders Publishing, 2003. 741 p.
- [11] *Deumert A.* The performance of a ludic self on social network(ing) sites // *The Language of Social Media: Identity and Community on the Internet* / ed. by P. Seargeant, C. Tagg. New York: Palgrave Macmillan, 2014. Pp. 23–45.
- [12] *Spears R.* Personal and Social Identity // *New Dictionary of the History of Ideas: in 6 vols. Vol. 3* / ed. by Maryanne Cline Horowitz. N.Y.: Charles Scribner's sons, 2005. 2005. P. 1086.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 ноября 2019

Дата принятия к печати: 4 декабря 2019

Для цитирования:

Карасик В.И. Самоидентификация в современной иронической поэзии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 33–45. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-33-45>

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. eLIBRARY SPIN-код: 6068-6478. E-mail: vkarasik@yandex.ru

Research article

Self-identification in modern ironic poetry

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina St, Moscow, 117485, Russian Federation

The article deals with modern Russian ironic poetic miniatures; they are complex formations containing several levels of subject self-representation. Two types of such texts have been analyzed – aphoristic poetry and ironic internet miniatures. They are very popular and make a new genre of net discourse in the Russian sector of the Internet (creatives). The main technical device of such texts creation is paradoxical contamination of contradictions. Such poems are saturated with allusions and parodies. Self-identification in such texts is inseparably connected with critical evaluation of human opportunities limitation, absurdity of existence and imperfection of the world.

Keywords: ironic poetry, lyrical miniature, self-presentation, creative, internet poetry

Acknowledgments. This research was conducted at the Pushkin State Russian Language Institute with financial support of the Russian Foundation of Basic Research (RFBR, the project No. 19-012-00609A).

References

- [1] Abushenko, V.L. (2001). Identichnost' [Identity]. In A.A. Gricanov (Ed.), *Novejshij filosofskij slovar'* (pp. 400–404). 2nd ed. Minsk: Knizhnyj dom Publ.
- [2] Issers, O.S. (2012). Lingvokognitivnye igry v prostranstve interneta: ot smeshnogo do ser'eznogo [Linguistic and cognitive games in internet space: from fun to serious]. In T.A. Gridinoy (Ed.), *Lingvistika kreativa – 2: collective monograph* (pp. 101–120). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ.
- [3] Karasik, V.I. (2018). Kreativny v setevom diskurse [Creatives in network discourse]. *Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, (5), 29–44.
- [4] Malahov, V.S. (1998). Neudobstva s identichnost'yu [Identity issues]. *Voprosy filosofii*, (2), 43–53.
- [5] Nikolaev, V.G. (1998). *Identichnost'. Kul'turologiya. XX vek [Identity. Culturology. XX century]: encyclopedia: in 2 vols. (vol. 1, pp. 238–239)*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.
- [6] Petrenko, S.N. (2017). *Zhanrovye modeli postfol'klora v russkoj postmodernistskoj literature poslednej chetverti XX – nachala XXI veka [Genre models of post-folk folklore in Russian postmodern literature of the last quarter of the XX – beginning of the XXI century]* (abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Volgograd.
- [7] Remchukova, E.N. (2013). Massovyj lingvokreativ: preodolenie standarta [Mass linguistics: bridging standard]. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, (2), 83–89.
- [8] Rikyor, P. (1995). Povestvovatel'naya identichnost' [Narrative identity]. *Germenevtika. Etika. Politika: Moskovskie lektsii i interv'yu* (pp. 19–37). Moscow: Academia Publ.
- [9] Rogacheva, N.B. (2011). *Struktura i funkcionirovanie vtorichnyh rechevyh zhanrov internet-kommunikacii (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Structure and functioning of secondary speech genres of Internet communication (based on the material of Russian and English languages)]* (abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Saratov.
- [10] Bartle, R.A. (2003). *Designing virtual worlds*. Berkeley: New Riders Publishing.
- [11] Deumert, A. (2014). The performance of a ludic self on social network(ing) sites. In P. Seargeant & C. Tagg (Eds.), *The Language of Social Media: Identity and Community on the Internet* (pp. 23–45). New York: Palgrave Macmillan.
- [12] Spears, R. (2005). Personal and Social Identity. In Maryanne Cline Horowitz (Ed.), *New Dictionary of the History of Ideas: in 6 vols. (vol. 3, p. 1086)*. New York: Charles Scribner's sons.

Article history:

Received: 22 November 2019

Revised: 25 November 2019

Accepted: 4 December 2019

For citation:

Karasik, V.I. (2020). Self-identification in modern ironic poetry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 33–45. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-33-45>

Bio note:

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor of General and Russian Linguistics Department, Pushkin State Russian Language Institute. eLIBRARY SPIN-code: 6068-6478. E-mail: vkarasik@yandex.ru